

Башкирский гос. академический театр, «Ала-Тау» А. Тагиров. Арт. Б. Имашев—Надыргул.

годняшнего дня... В этом же сезоне окрепший башкирский театр приступает к освоеанию классического наследия: после месяца разучивания «Ревизора» «по всем правилам» режиссерской техники впервые в истории башкирского театра спектакль был проведен без суфлера. Наконец в сезоне 1930 г. в театре впервые была организована комсомольская ячейка и оживлена общественная работа: был организован художественный кружок, оздоровлена закулисная жизнь и т. д.

С тех пор в Башкирском гостеатре накапливается крепкое репертурное ядро — как национальная драматургия, так и ряд классических пьес: «Карагул», «Ала-Тау», «Сакмар», «В гнезде ворона», «Башкирская свадьба», «Кровь Урала» и др., а также «Без вины виноватые», «Ревизор», «Коварство и любовь», «Разбойники» и «Отелло».

Мы смотрели из башкирского национального репертуара «Карагул» и «Ала-Тау».

Башкирский гос. академический театр (Уфа). «Отелло» В. Шкэпира. Арт. Бекбулатова — Дездемона.

«Карагул» написан упомянутым выше Д. Юлтыем еще в начале 20-х годов, был тогда же поставлен театром и на протяжении добрых пятнадцати лет исправлялся автором при активном сотрудничестве театра.

Карагул — имя народного героя, возглавляющего восстание крестьян против русской колониальной политики и башкирского кантонства, судя по декорациям и костюмам, в начале XIX в. Одним из вождей этого восстания является крепостной крестьянский актер русского помещика «Изана Ивановича» — Василий. Им противопоставлены кантон Ишмураа со своим клевретом, Алкалем, блокирующиеся по строго выдерживаемому классовому принципу с Ивановым Ивановичем и попом... Повстанцы поджигают помещичье имение, вожды заключены в тюрьму, откуда с помощью назиравателя, оказывающегося другом детства Василия, убегают, после чего организуют разгром штаба Ишмураа, во время которого Карагул пал геройской смертью...

Схема — достаточно примелькавшаяся, стадия — уже пройденная русским театром. И все же пьеса продолжает давать актуальное и боевое звучание, — и мы понимаем длительный успех у трудящихся масс Башкирской Республики «Карагула», давно, перевалившего за четвертую сотню представлений.

Впрочем, надо отдать справедливость и театру: этот успех «оптирируют» культурная постановка художественного руководителя театра т. Магадеева, тщательная режиссура т. Имашева и вполне квалифицированная игра ряда актеров. Среди последних выдвинулись Г. Мингажеев (кантон Ишмураа), Рашитова и Рафикова (зачь и жена Карагула), Бекбулатова (крепостная актриса), Зубairoва (поп).

Гораздо более благодарный сценический материал представляет образец башкирской драматургии последних лет — «Ала-Тау», пьеса Афаала Тагирова. Привычная революционная схематика осложнена уже здесь и с сюжетной стороны и постановкой ряда психологических проблем и заловий. Здесь, например, интересно и театрально поставлена фигура батрака Ахмета — мажорного башкирского «братиски», обладающего безошибочным пролетарским инстинктом, который, в перипетиях событий и действий, проясняется в классовую сознательность и приводит его носителя в ряды Красной гвардии. В лице А. Катамышева эта роль нашла темпераментного и четкого исполнителя. В «схему» изображения подпольной работы башкирских большевиков при господстве белых врываются отношения Зургри и Галима: юношеский роман студента и гимназистки (в начале революции, в эпоху керепщины) выродился в тяжелую связь белого офицера, политически беспринципного, с живущей у него в качестве горничной большевичкой. С большой тонкостью, на хорошем нерве играет Зургрю Г. Рафикова. Удачно подчеркнута и интеллигентская бесхребетность в исполнении М. Галимова. Хорошую легкость и характерность показали Э. Бекбулатова (Ямад) и т. Уманов (Трофим). Постановщиком т. Магадеевым отлично разработаны как массовые сцены, так и отдельные мизансцены.

В общем вряд ли мы ошибемся, если констатируем, что башкирский театр все-таки сильнее башкирской драматургии. Но это у него, как известно, общая беда и с театром РСФСР.

Выход из этой беды у обоих театров — тоже аналогичный: некоторое злоупотребление «наследством». Идя по этой линии наименьшего (для театра РСФСР) и одновременно наибольшего (потому что вчера еще в Башкирии никакого театра не было) сопротивления, Башкирский государственный академический театр поставил в конце истекшего сезона «Отелло» Шекспира.

И что же? Спектакль этот, осуществленный молодым режиссером Х. Бухарским под руководством т. Магадеева, оказался вполне «по плечу» как труппе, так и сложившимся уже в ней хорошим театральным традициям. Пусть на нем лежит некоторый налет «студийности», пусть, наконец, были срывы с отдельными второстепенными ролями (в каком столичном спектакле этого не бывает!), — важно, что основной ведущий ансамбль персонажей чутко сохранил стиль трагедии и артистически выдержанно шекспировскую характерность фигур, одновременно и обобщенную и ярко индивидуальную. Может быть, из этого ансамбля выпадал только сам Отелло — не бурный романтик, не «срывающий страсть в клочья», каким глядит он на нас со страниц шекспировской партитуры, в слишком уж «камерный», «домашний», почти бытовой, как он трактован был т. Магадеевым весьма последовательно и во всеоружии отличной техники. Зато превосходный Яго — Р. Файзи: умный, сдержанный, но доверху переполненный кипящей страстью, — и все это сделано с отличным подлинно трагедийным, не вульгаризованным нижним нашим мастерством. — а эпизод убийства Эмилии проведен актером исключительно виртуозно...

Купюры, по необходимости сделанные для башкирского — прозаического — перевода, представляются нам приемлемыми. Шекспировский диалог башкирскими актерами освоен во вполне удовлетворяющей степени.

Спектакль «Отелло» — огромная победа башкирского театра. Большевикский метод строительства культуры тем и отличается от буржуазно-филиантропического «культуртрегерства» всяких «народных» театров и различений, что приобретает массы и подлинными ценностями искусства...

Башкирский гос. академический театр (Уфа). «Карагул» Д. Юлтыя. Арт. Рашитова — дочь Карагула.